

УДК 323.1

ЭТНИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СПОРЫ И УЗЛОВЫЕ ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

© 2022 П.В. Осколков*

Кандидат политических наук

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

**E-mail: petroskolkov@yandex.ru*

Поступила в редакцию 09.10.2021

После доработки 03.12.2021

Принята к публикации 21.12.2021

Аннотация. Критическая интерпретация имеющегося корпуса академических текстов, посвящённых различным феноменам этнической политики, вызывает вопросы: что является критериями этнического? Каковы узловые точки пересечения этничности и политики? Исходя из конструктивистской трактовки этничности как изменчивого концепта, несводимого к культурно-языковому своеобразию, мы предлагаем определение этнической группы как социальной группы, обладающей отличительными культурными чертами (в широком понимании) и представлением о наследственной передаче группового членства. Отталкиваясь от указанного определения, мы предлагаем не ограничивать предметное поле этнополитологии взаимодействием государства с этническими группами, а включить в него популизм (в форме правого популизма, понимаемого как этнопопулизм) и национализм (как продукт этнической мобилизации). Особое внимание уделено регионализму как частному, но весьма немаловажному случаю национализма. Выводы подкреплены примерами из западноевропейской политической практики. Основываясь на предельно инклюзивном конструктивистском определении этничности, можно и нужно понимать предметное поле этнополитологии максимально широко, чтобы укрепить её позиции в кругу общественно-политических дисциплин – в частности, в рамках изучения социально-политических процессов в Европейском союзе.

Ключевые слова: этничность, этнополитика, этнополитология, национализм, популизм, регионализм, европейские политические системы.

DOI: 10.31857/S0201708322010077

Р. Брубейкер писал: «Запутанная и неуывающая дефиниторная казуистика в исследованиях этничности, расы и национализма мало способствовала продвижению обсуждения и может рассматриваться, в сущности, как проявление некумулятивной природы исследований в этой области» [Брубейкер, 2012: 29]. С этим сложно не согласиться: в условиях бесконечных концептуальных споров относительно природы этничности и способов её изучения приращение знания достаточно затруднено. Чтобы в споре родилась истина, необходимо, как минимум, чтобы спорящие имели какие-то общие основания своих позиций. Этничность, как выразился С.В. Чешко, «неизменно ускользает сквозь пальцы, несмотря на любые методологические ухищрения» [Чешко, 1994: 39].

Тем не менее есть и поводы для осторожного оптимизма: ряд общих оснований уже есть, хотя они и не всегда отражаются в академической рефлексии. Во-первых, очевидно, что этничность и этническое существуют, с этим мало кто спорит (хотя далее мы рассмотрим и такую точку зрения). Во-вторых, столь же очевидно, что этничность присутствует в политическом поле: если в начале 1990-х гг. и звучали оптимистичные прогнозы об уходе её из политической повестки [Геллнер, 1995], сейчас вопрос так явно не стоит. И даже в условиях современной Европы и Европейского союза, относительно которых указанный оптимизм был наибольшим (предположительно, наднациональная идентичность вытеснила бы национальную и этническую; к этому тезису мы также вернёмся), успешно функционируют этнорегионалистские и правопопулистские партии, основывающиеся на этнической мобилизации. За пределами этого круга понимания начинаются оправданные дебаты: какие феномены мы можем определять как этнические и каким образом этничность способна влиять на политические процессы?

Дисциплина под названием «Этнополитология», ещё в начале 2000-х гг. относимая некоторыми исследователями к «квазинаукам» [Воронков, 2009: 35], в настоящее время уже, как нам кажется, «в борьбе обрела право своё» и укрепилась в отечественной академической номенклатуре. Между тем предметом её по-прежнему считаются зачастую лишь отдельные аспекты государственного управления этническим многообразием в целях предотвращения конфликтных сценариев развития [Тураев, 2004; Абдулатипов, 2004]. Одновременно узловые точки пересечения этничности и политики находятся в центре внимания современной сравнительной политологии и политической теории. Какие это точки и на чём стоило бы сконцентрировать современный этнополитологический анализ? В данном материале мы постараемся предложить собственные ответы на указанные вопросы, основываясь на критической рефлексии уже существующего корпуса академических текстов и дискуссий.

Конструктивистское понимание этничности

Если для «советской теории этноса» было характерно определение этноса (не этничности) как некой фиксированной социальной группы, обладающей набором устойчивых характеристик [Бромлей, 1983], то примерно в то же время, во второй половине XX в., в западноевропейской и североамериканской антропологии споры

велись о степени устойчивости этнических маркеров. Начиная с конца 1980-х гг. «этничность» приходит и в советскую, а затем и российскую науку – во многом с лёгкой руки академика РАН В.А. Тишкова, исполнившего «Реквием по этносу» [Тишков, 2003] – как по фиксированной группе. Действительно, хрестоматийные споры между условными примордиалистами и условными конструктивистами (Г. Хейл убедительно доказывает неоднородность этих категорий [Hale, 2004]) ведутся прежде всего не о том, является ли этнос устойчивой общностью людей (за исключением маргинальных трактовок); сейчас предмет обсуждения – это пределы гибкости самой категории этнического. «Этнические границы стали пониматься не как границы групп в пространстве (в кушнеровском смысле), а как ментальные маркеры, по которым могут выстраиваться группы (в бартовском смысле)» [Тишков, 2016: 7].

В 1970-е гг. А. Коэн продемонстрировал, что потенциально категория этничности может применяться практически безгранично к любым коллективам, обладающим общими паттернами нормативного поведения и являющимся частью некоей большей группы населения [Cohen, 1974: ix]. Британский антрополог доказал (в рамках собственной парадигмы), что этнической может быть названа, к примеру, группа брокеров лондонского Сити, которые «социокультурно столь же отличны внутри британского общества, как хауса внутри общества йоруба» [Cohen, 1974: xxi]. Однако столь расширительное толкование этнической группы как любой, связанной определёнными, пусть и гибкими, узлами, хотя и обладает некоторыми эвристическими достоинствами, способно существенно осложнить академические штудии: в отсутствие чёткого категориального аппарата последние практически невозможны. В частности, некоторых наших коллег интеллектуальные упражнения инструменталистов убедили даже в бесперспективности всяких попыток определить этничность: есть точка зрения, согласно которой «"этническая" общность принципиально не может быть описана даже как совокупность лиц, обладающих той или иной "этнической" идентичностью (...). Нет понятия – нет явления» [Филиппов, 2006: 94].

Тем не менее мы не разделяем радикального пессимизма уважаемого автора, процитированного выше. В ответ на изыскания Коэна и ряда других «радикальных» конструктивистов и инструменталистов были сделаны попытки ограничить этническое и ввести его в некие базовые координаты. Для Ф. Барта и В.А. Тишкова этническое – прежде всего культурное, в его сочетании с социальным [Барт, 2006; Тишков, 2003: 115]. Но опять же, не слишком ли это широко? Дж. Ротшильд, К. Чандра и А. Вебер с соавторами пошли чуть дальше (независимо друг от друга) и предложили критерий передачи членства в группе по наследству [Rothschild, 1981: 9; Chandra, 2012: 10; Weber et al., 2016: 3]. Действительно, практически все группы, которые мы считаем этническими, обладают представлением о возможности естественного самовоспроизводства (логически связанным с представлением об общем происхождении, но не сводимым к нему). Понятно, что на деле этническая группа может «прирастать» и путём кооптации; но само представление, «миф о самовоспроизведении» и наследственной передаче членства является на наш взгляд действительно базовой характеристикой этнической группы.

Однако существуют и группы, в которых имеется указанное представление, но этническими их считать вряд ли возможно; в таком случае мы можем добавить ранее рассмотренные культуральные индикаторы. Именно разделяемые на групповом уровне культурные свойства указывают на то, «почему [этническая] категория существенна и легитимна», и обеспечивают членов группы общей «социальной биографией» [Handelman, 1977: 190]. Таким образом, инструментально мы можем определить этническую группу (обладающую общими в конкретный момент времени этническими характеристиками) как *социальную группу, обладающую отличительными широко понимаемыми культурными чертами и представлением о наследственной передаче группового членства.*

В таком случае нам могут возразить: ряд конфессиональных групп тоже ассоциируется с культурной инаковостью и естественным воспроизводством; назовём ли мы и их этническими? Ответ положительный. Многие исследователи интуитивно ассоциируют с этническим только языковые особенности либо особые обычаи, что неверно; религия может стать точно таким же маркером этничности в случае её различительного значения в рассматриваемом обществе. Классический пример – Северная Ирландия, где конфессиональные группы протестантов и католиков уже несколько веков воспринимаются и описываются именно как этнические, при этом фактическое происхождение и владение ирландским гэльским языком своё значение утратили [Jenkins, 2008].

Ещё один пример, указывающий на контекстуальную, индексикальную значимость тех или иных этнических маркеров, это Руанда, где общий язык, религия и культура не затмили сугубо социальных отличительных черт тутси и хуту [Панов, 2020]. И уже на каркасе этих социальных различий пропаганда «Радио тысячи холмов», а до этого колониальной администрации, возвела стройное здание различий генетических (в значении происхождения) и фенотипических. Здание это не разрушил даже кровавый геноцид 1994 г., и его эскизы периодически воспроизводятся даже в работах весьма именитых социологов [см., к примеру: Манн, 2016].

В Европе примером достаточно произвольного этнического строительства могут считаться каготы – группа населения южной Франции, исторически ущемляемая в правах по неясным причинам; выдвигались версии их происхождения от секты катаров либо из плотницкой гильдии. Проще говоря, этническими становятся те маркеры, которые индивид и социум видят и мыслят смысловыми, культурально обусловленными и наследственными, будь это цвет кожи, посещаемая церковь, язык или размер земельного надела. Блестяще это сформулировал отечественный этнограф А.С. Мыльников, написавший, что этничность подразумевает контрастность восприятия; то, что «способно вызвать удивление наблюдателя “со стороны”, оставаясь для наблюдателя “изнутри” чем-то обыденным, привычным, а потому и не всегда фиксируемым» [Мыльников, 1999: 111].

Возвращаясь к одному из первоначальных тезисов: очевидно, что понимаемая указанным образом этническая идентичность не может быть вытеснена идентичностью национальной, наднациональной и *надэтнической* (к примеру, общеевропейской) – хотя бы потому, что в таком случае мы всё равно будем говорить об иден-

тичности именно *этнической*, пусть и располагающейся на другом уровне иерархии этнических идентификаций. Таким образом, общая идентичность европейцев – как обладающих условным «европейским культурным наследием» – это также этническая идентичность (воспринимаемая, скорее, как цивилизационная), и анализировать её следует именно с точки зрения этнополитической динамики. Институты Европейского союза не создают замены существующим этническим идентификациям, а лишь добавляют к ним ещё одну (точнее, реактуализируют её после периода господства национально-государственных идентификаций эпохи Модерна).

Сформулированное выше определение, хотя и несколько сужает поле понимания этничности, всё ещё, казалось бы, требует определённых оговорок. Действительно, европейское дворянство на определённом этапе развития сочетало в себе оба выделенных признака этничности – культурный и наследственный: дворянская культура отличалась от крестьянской, равно как и язык общения, и даже временами генеалогия – прослеживаемая от норманнов или франков [Rothschild, 1981: 35]. То же относится и к некоторым другим сословным и цеховым группам как в Европе, так и за её пределами. Тем не менее, внести ясность в наше понимание этничности таким образом, чтобы данные примеры его не разрушили, не представляется возможным. Если мы экстраполируем современные теории этничности на периоды расцвета цехов и сословий, их действительно можно считать этническими группами, и противоречия здесь автор не видит.

Этничность и политика: точки пересечения

Разобравшись на данном этапе с тем, что мы понимаем под этничностью, перейдём к более насущному вопросу: как этничность взаимодействует с политическим процессом? Этнополитика представляет собой набор определённых мер, применяемых а) государством во взаимодействии с этническими группами, б) этническими группами во взаимодействии друг с другом с целью перераспределения властных полномочий и предотвращения конфликтных ситуаций. Исследование этнополитики в этом контексте подразумевает изучение как моделей этнополитического менеджмента, так и динамики этнополитических взаимодействий, а также особенностей этноконфликтного менеджмента и этнического лидерства. Эти аспекты взаимоотношений этничности и политики достаточно очевидны и, скорее, находятся за пределом поля обсуждения данной статьи. Нас больше интересует то, что многие политические явления этнизируются, то есть приобретают (естественным либо искусственным путём) этническое смысловое наполнение; наблюдается и обратный процесс – политизация этничности. Но как отделить этническое в политике от неэтнического, какие формы политизации этничности наиболее актуальны в наш век и могут представлять собой ключевые отправные точки для этнополитологического анализа?

Предложим следующую гипотезу: в настоящее время политические феномены, в наибольшей степени подверженные этнизации, это популизм, национализм и регионализм (как частный случай последнего). Разберём эти связи более подробно.

Популизм – одно из наиболее обсуждаемых сейчас политических явлений, несколько десятилетий не покидающее света академических прожекторов. Как отмечает К. Мюдде, «крайне правому популизму посвящено [сейчас] больше академических работ, чем всем другим партийным семьям, вместе взятым» [Mudde, 2016: 2]. Ряд исследователей даже говорят об охватившем академию «популистском хайпе» [De Cleen et al., 2019] и стремлении наклеить ярлык популизма на любые политические явления, имеющие негативные коннотации. Одно из базовых определений популизма, которое мы и возьмём за основу в данной статье, – это стратегия политической борьбы [Weyland, 2001: 14], основанная на антиэлитизме и холизме [см. также: Осколков, Тэвдой-Бурмули, 2018]. Иными словами, популизм представляет собой набор политических стратегем, основными из которых является риторика противопоставления народа и элиты, а также представление о народе как о едином целом, обладающем общей волей, которую и выражают политики-популисты.

При этом относительно конвенциональным стало разделение популизма на правый, делающий акцент на правах «коренного населения», и левый, играющий на экономических противоречиях [Priester, 2011]. То, что называют правым популизмом, принято ассоциировать с национализмом – прежде всего, в нативистской форме последнего, в которой народное ядро органически противопоставляется чужакам. Очевидно, что упомянутое «ядро» обладает выраженными культурными свойствами, отличающими его от этих «чужаков», и что членство в нём воспринимается как наследуемое. Следовательно, правый популизм вполне может быть синонимичен популизму этническому – или этнопопулизму. Более того, предположим, что именно термин «этнопопулизм» более релевантен в условиях современных партийно-политических систем, так как сами понятия «правый» и «левый» в программах европейских популистских партий становятся предельно размытыми. Говоря о правом популизме, мы неизбежно вынуждены делать оговорки о том, что его экономическая повестка совершенно не обязательно обладает классическими правыми чертами, а границы правой политической повестки также весьма условны; предлагаемый термин «этнопопулизм» позволяет снять эти противоречия. Если Р. Мадрид понимает этнопопулизм как стремление включить в электорат партии представителей всех этнических групп [Madrid, 2008], то Э. Дженне предпочитает определять его как «дискурс отождествления народа и нации и утверждения, что суверенитет должен быть выражением воли “нации-народа”» [Jenne, 2018: 550]. Мы же понимаем этнопопулизм как субкатегорию политического популизма, задействующую в своей риторике этническую идентификацию. Синтезируя два концепта, сформулируем определение этнопопулизма следующим образом: *стратегия политической борьбы, основанная на антиэлитизме, холизме и мобилизации этнической идентичности как культурной и наследуемой*. Определение, безусловно, небесспорное, но кажущееся нам полезным в данном анализе.

Из сказанного выше следует, что национализм тоже в первую очередь этнически окрашен. Но как тогда быть с хрестоматийным разделением национализма на «этнический» и «гражданский» [см. к примеру: Гринфельд, 2012]? Дихотомия эта небеспроблемна. Э. Смит обращал наше внимание на то, что любой гражданский

национализм (основанный на понимании нации как общности граждан) имеет в себе этнические составляющие: «даже самые “гражданские” и “политические” национализмы при внимательном рассмотрении оказываются также “этническими” и “лингвистическими”» [Смит, 2004: 236–237]. К тому же общность в нации при определённых условиях может рассматриваться также как обусловленная культурно (к примеру, членство во французской или немецкой нации подразумевает лояльность, соответственно, французской либо немецкой культуре, как бы мы её ни трактовали). Более того, членство в нации *a priori* наследуемо: большинство концепций приобретения гражданства по рождению подразумевают, что ребёнок, родившийся от граждан (или даже от одного гражданина), тоже станет гражданином. Поэтому в пределах заданной теоретической рамки практически любой национализм может также считаться этническим [Jenkins, 2008: 151] – хотя бы потому, что идеологи национализма апеллируют к определённым образом фреймированной групповой идентичности.

Рассмотрим ранее сформулированные тезисы на одном из наиболее актуальных примеров правого популизма и национализма в Западной Европе – нидерландской партии «Форум за демократию» (*Forum voor Democratie*). Безусловно, риторика «Форума» строится на антиэлитизме – противопоставлении народа Нидерландов леволиберальной элите, «левой церкви» (*linkse kerk*). «Народ Нидерландов» рассматривается как единое целое, обладающее некой общей волей, *volonté générale*. При этом лидер партии Т. Бодэ апеллирует к «германской цивилизации», «бореальному [северному] миру» (*boreale wereld*), то есть к некой историко-культурной общности, к которой все нидерландцы принадлежат по праву рождения. Те же характеристики отличают и французское «Национальное объединение» (*Rassemblement national*): его лидер, Марин Ле Пен призывает «освободить французский народ от высокомерной элиты», подразумевая гомогенность обеих указанных групп, и настаивает на приоритете «французов» над иммигрантами, которые не разделяют французского культурного наследия и «общей воли» [De Jonge, 2021].

Регионализм может рассматриваться как одна из вариаций национализма, при которой лояльность нации переносится на конкретный регион (сужается до него). Если регион рассматривается сугубо как территориальная единица, не обладающая культурной инаковостью, регионализм не имеет этнического характера. В прочих же ситуациях речь идёт об этнорегионализме, и мы вновь имеем дело с проявлениями этничности в политических процессах. Более того, этнорегионалистские партии, в случае Европы объединённые в Европейский свободный альянс, условно можно рассматривать и как националистические, и как этнопопулистские [Newth, 2021]: в инструментальных целях они дискурсивно мобилизуют этническую идентичность жителей региона. В их идеологическом ядре присутствуют холизм и антиэлитизм (как противопоставление собственной этнической группы, понимаемой интегрально, политически доминирующему в государстве этносу, зачастую в соответствии с теорией «внутреннего колониализма» М. Гехтера [Hechter, 1975]).

В качестве примера этнорегионалистской партии возьмём Шотландскую национальную партию. С момента создания в первой половине XX в. партия эксплуатирует условное противостояние «народа» в Эдинбурге или Абердине «элите» в Лон-

доне или Лидсе. Одновременно ШНП апеллирует к региональным и условно «национальным» чувствам электората, объединённого лояльностью шотландской культуре и идее шотландской независимости. Примечательно, что шотландская этничность в понимании ШНП – открытая, и принять её может любой британский подданный, живущий в Шотландии и демонстрирующий указанные лояльности [Панов, 2021; Охошин, 2020]. Поэтому критерий наследственности в данном кейсе потенциально затухает, хотя и продолжает звучать имплицитно. В известной степени сказанное относится и к валлийской партии *Плайд Камри*. Напротив, *Шинн Фейн*, главный этнорегионалистский актор Северной Ирландии (хотя и выступающий не за полную независимость, а за ирреденту) – менее открыт для ненаследственной инкорпорации в силу большего радикализма своей риторики [Шапке, 2019]. Также и партия «Баскская солидарность» (*Eusko Alkartasuna*), выделившаяся из Баскской националистической партии в 1987 г., говорит в своей программе и электоральных манифестах почти исключительно о баскском народе, который рассматривает как единое целое – независимо от государственных границ, и действует в интересах этой этнической группы сразу в двух государствах – Испании и Франции. Партийные идеологи считают общую этническую идентичность жителей испанской Страны Басков и юга французской Новой Аквитании достаточным основанием для перекройки нынешних государственных границ и создания на этой территории объединённого и независимого баскского государства, невзирая на мнение парижских и мадридских элит.

Заключение: что же изучать этнополитологам?

Таким образом, под базовыми характеристиками этничности мы подразумеваем культурную обусловленность (широко понимаемую) и представление о наследовании группового членства. Исходя из этих характеристик, мы можем выделить ряд проблемных точек современной этнополитологии, лежащих за пределами ставших для неё классическими отношений между государством и (не)организованными этническими группами: популизм (этнопопулизм), национализм (этнонационализм) и регионализм (этнорегионализм). Каждый из этих феноменов имеет этнические коннотации, строится в большой степени на акцентировании культурной инаковости и наследуемых свойств. Поэтому мы предлагаем, во-первых, исходить из достаточно широкого, хотя и ограниченного некими базовыми координатами понимания этничности; во-вторых, рассматривать деятельность популистских, националистических и регионалистских движений и партий в качестве узловых точек пересечения этничности и политики и, тем самым, в качестве основных направлений современного этнополитологического анализа. Таким образом актуальная этнополитическая повестка в исследованиях Европейского союза выходит за рамки миграционной и консосиональной (в случае немногочисленных полиэтничных федераций – Бельгии, Швейцарии, Боснии и Герцеговины) проблематики и охватывает как проблемы формирования общеевропейской идентичности, так и новейшие тенденции в развитии партийно-политических систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулатипов Р.Г. (2004) *Этнополитология*. Питер, Санкт-Петербург. 313 с.
- Барт Ф. (2006) Введение, в кн. *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. Под ред. Ф. Барта. Новое издательство, Москва. С. 9–48.
- Бромлей Ю.В. (1983) *Очерки теории этноса*. Наука, Москва. 418 с.
- Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. Изд. дом Высшей школы экономики, Москва. 408 с.
- Воронков В.М. (2009) О политизации общественных наук. *Неприкосновенный запас*. № 1 (64). С. 33–44.
- Геллнер Э. (1995) *Условия свободы*. Ad Marginem, Москва. 224 с.
- Гринфельд Л. (2012) *Национализм: пять путей к современности*. ПЕР СЭ, Москва. 528 с.
- Манн М. (2016) *Темная сторона демократии: объяснение этнических чисток*. Пятый Рим, Москва. 912 с.
- Мыльников А.С. (1999) *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века*. Петербургское Востоковедение, Санкт-Петербург. 400 с.
- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. (2018) Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала, *Вестник Пермского университета. Политология*, № 3. С. 19–33. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-19-33>
- Охошин О.В. (2019) Шотландия между Великобританией и ЕС на фоне Брексита. *Современная Европа*, № 6. С. 57–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620195767>
- Панов А.А. (2017) Политизация этничности или этнизация политики? Случай Руанды и Бурунди, в кн. *Этническая идентичность в современной Африке*. Под ред. Т.В. Евгеньевой. Институт Африки РАН, Москва. С. 97–123.
- Панов П.В. (2020) Этнические и региональные партии в странах Центральной и Восточной Европы: специфика и траектории развития. *Вестник Пермского университета. Политология*, т. 14, № 3. С. 20–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-20-34>
- Смит Э. (2004) *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма*. Праксис, Москва. 464 с.
- Тишков В.А. (2003) *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. Наука, Москва. 544 с.
- Тишков В.А. (2016) От этноса к этничности и после. *Этнографическое обозрение*, № 5. С. 5–22.
- Тураев В.А. (2004). *Этнополитология*. Логос, Москва. 387 с.
- Филиппов В.Р. (2006) «Этноконфессиональные конфликты»: ущербность концепции, в кн. *Дневник Алтайской школы политических исследований. Но 22. Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века)*. Под ред. Ю.Г. Чернышова. Изд-во Алтайского ун-та, Барнаул. С. 94–95.
- Чешко С.В. (1994) Человек и этничность. *Этнографическое обозрение*, № 6. С. 35–49.

- Шапке Р. (2019) *Ирландский национализм в XX веке*. Тотенбург, Москва. 180 с.
- Chandra K. (2012) Introduction, in: *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Ed. by K. Chandra. Oxford University Press, Oxford, pp. 1–50.
- Cohen A. (1974) Introduction, in: *Urban Ethnicity*. Ed. by A. Cohen. Tavistock Publ., London, pp. ix–xxiv.
- De Cleen B., Glynos J., Mondon A. (2018) Critical Research on Populism: Nine Rules of Engagement. *Organization*, vol. 25, No. 5, pp. 649–661. DOI: <https://doi.org/10.1177/1350508418768053>
- De Jonge L. (2021) Is the (Mass) Party Really Over? The Case of the Dutch Forum for Democracy. *Politics and Governance*, vol. 9, No. 4, pp. 286–295. DOI: <https://doi.org/10.17645/pag.v9i3.4525>
- Hale H. (2004) Explaining Ethnicity. *Comparative Political Studies*, vol. 37, No. 4, pp. 458–485, DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414003262906>
- Handelman D. (1977) The Organization of Ethnicity, *Ethnic Groups*, vol. 1, No. 1, p. 187–200.
- Hechter M. (1975) *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966*. University of California Press, Berkeley, 361 p.
- Jenkins R. (2008) *Rethinking Ethnicity*. SAGE, London, 207 p.
- Jenne E.K. (2018) Is Nationalism or Ethnopolitism on the Rise Today? *Ethnopolitics*, vol. 17, No. 5, pp. 546–552. DOI: 10.1080/17449057.2018.1532635
- Madrid R. (2008) The Rise of Ethnopolitism in Latin America, *World Politics*, vol. 60, No. 3, pp. 475–508.
- Mudde C. (2016) *On Extremism and Democracy in Europe*. Routledge, London.
- Newth J. (2021) Populism and Nativism in Contemporary Regionalist and Nationalist Politics: A Minimalist Framework for Ideologically Opposed Parties. *Politics*, vol. 41, No. 1, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1177/02F0263395721995016>
- Priester K. (2011) Definitionen und Typologien des Populismus. *Soziale Welt*, vol. 62, No. 2, pp. 185–198.
- Rothschild J. (1981) *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. Columbia University Press, NYC, 290 pp.
- Weber A., Hiers W., Flesken A. (2016) *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*. Palgrave Macmillan, NYC, 187 pp.
- Weyland K. (2001) Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics. *Comparative Politics*, vol. 34, No. 1, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.2307/422412>

Ethnicity and Politics: Terminology Debates and Nodal Points

P.V. Oskolkov*

Candidate of Science (Politics)

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** petroskolkov@yandex.ru

Abstract. Based on his own critical interpretation of the academic texts on different phenomena related to ethnic politics, the author discusses the basic criteria to define what is ethnic, as well as what are the nodal points of ethnicity and politics intersection. Working within the constructivist understanding of ethnicity as of a flexible and changing concept, the author concludes that it may not be confined to the cultural and linguistic distinctiveness. The proposed definition of an ethnic group is as follows: a social group that has distinct and broadly understood cultural features and an idea of hereditary membership. Based on the definition formulated above, the author proposes not to confine the research area of Ethnopolitical Studies to the interactions between a state and ethnic majorities or minorities, but to include populism (first and foremost, right-wing populism that the author deems synonymous to ethnopopulism) and nationalism (understood *a priori* as a product of ethnopolitical mobilization). Particular attention is paid to (ethno)regionalism that is a special, but very important, case of nationalism. The author underpins his conclusions by several examples from the West European politics. The author concludes that, on the basis of extremely inclusive constructivist definition of ethnicity, the research area of Ethnopolitical Studies may and should be understood as broad as possible, so as this discipline might strengthen its position in the ranks of social science subdisciplines, in particular, in the studies of the EU politics.

Key words: ethnicity, ethnic politics, ethnopolitical studies, nationalism, populism, regionalism, European political systems.

DOI: 10.31857/S0201708322010077

REFERENCES

- Abdulatipov R.G. (2004) *Ethnopolitologiya* [Ethnopolitical Studies]. Piter, Saint-Petersburg, 313 p. (in Russian).
- Bart F. (2006) Vvedenie [Introduction], in *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naiia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Social Boundaries. Social Organization of Cultural Differences]. Ed. by F. Bart. Novoe izdatel'stvo, Moscow, pp. 9–48. (in Russian).
- Bromlei Iu.V. (1983) *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the Theory of Ethnos]. Nauka, Moscow, 418 p. (in Russian).
- Brubeiker R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, 408 p. (in Russian).
- Chandra K. (2012) Introduction, in: *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Ed. by K. Chandra. Oxford University Press, Oxford, pp. 1–50.
- Cheshko S.V. (1994) Chelovek i etnichnost' [Human and Ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie*, No. 6, pp. 35–49. (in Russian).
- Cohen A. (1974) Introduction, in: *Urban Ethnicity*. Ed. by A. Cohen. Tavistock Publ., London, pp. ix–xxiv.

De Cleen B., Glynos J., Mondon A. (2018) Critical Research on Populism: Nine Rules of Engagement. *Organization*, vol. 25, No. 5, pp. 649–661. DOI: <https://doi.org/10.1177/1350508418768053>

De Jonge L. (2021) Is the (Mass) Party Really Over? The Case of the Dutch Forum for Democracy. *Politics and Governance*, vol. 9, No. 4, pp. 286–295. DOI: <https://doi.org/10.17645/pag.v9i3.4525>

Filippov V.R. (2006) “Etnokonfessional'nye konflikty”: ushcherbnost' kontseptsii [Ethnoconfessional Conflicts: Waning Concept], in: *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy. Sovremennaiia Rossiia i mir: al'ternativy razvitiia (etnokonfessional'nye konflikty i vyzovy XXI veka)* [Diary of Altai School of Political Research. Contemporary Russia and the World: Alternatives of Development (Ethnoconfessional Conflicts and Challenges of the 21st Century)]. Ed. by Yu. Chernishov. Izd-vo Altaiskogo un-ta, Barnaul, pp. 94–95. (in Russian).

Gellner E. (1995) *Usloviia svobody* [Conditions for Freedom]. Ad Marginem, Moscow, 224 p. (in Russian).

Greenfeld L. (2012) *Natsionalizm: piat' putei k sovremennosti* [Nationalism: Five Roads to Modernity]. PER SE, Moscow, 528 p. (in Russian).

Hale H. (2004) Explaining Ethnicity. *Comparative Political Studies*, vol. 37, No. 4, pp. 458–485, DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414003262906>

Handelman D. (1977) The Organization of Ethnicity, *Ethnic Groups*, vol. 1, No. 1, pp. 187–200.

Hechter M. (1975) *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966*. University of California Press, Berkeley, 361 p.

Jenkins R. (2008) *Rethinking Ethnicity*. SAGE, London, 207 p.

Jenne E.K. (2018) Is Nationalism or Ethnopolitism on the Rise Today? *Ethnopolitics*, vol. 17, No. 5, pp. 546–552. DOI: 10.1080/17449057.2018.1532635

Madrid R. (2008) The Rise of Ethnopolitism in Latin America, *World Politics*, vol. 60, No. 3, pp. 475–508.

Mann M. (2016) *Temnaia storona demokratii: ob"iasnenie etnicheskikh chistok* [The Dark Side of the Democracy: Explanation for Ethnic Cleansings]. Piatyi Rim, Moscow, 912 p. (in Russian).

Mudde C. (2016) *On Extremism and Democracy in Europe*. Routledge, London.

Myl'nikov A.S. (1999) *Kartina slavianskogo mira: vzgliad iz Vostochnoi Evropy. Predstavleniia ob etnicheskoi nominatsii i etnichnosti XVI – nachala XVIII veka* [A View of Slavic World. Imaginations about Ethnic Nomination and Ethnicity in 16th – early 17th centuries]. Peterburgskoe Vostokovedenie, Saint-Petersburg, 400 p. (in Russian).

Newth J. (2021) Populism and Nativism in Contemporary Regionalist and Nationalist Politics: A Minimalist Framework for Ideologically Opposed Parties. *Politics*, vol. 41, No. 1, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1177/0263395721995016>

Okhoshin O.V. (2019) Shotlandiia mezhdru Velikobritaniei i ES na fone Brekzita [Scotland Between the UK and the EU Against the Background of Brexit]. *Sovremennaiia Evropa*, No. 6, pp. 57–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620195767> (in Russian).

Oskolkov P.V., Tevdoi-Bourmouli A.I. (2018) Evropeiskii pravyi populizm i natsionalizm: k voprosu o sootnoshenii funktsionala [European Right-Wing Populism and Nationalism: Revisiting the Correlation of Features]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, No. 3, pp. 19–33. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-19-33> (in Russian).

Panov A.A. (2017) Politizatsiia etnichnosti ili etnizatsiia politiki? Sluchai Ruandy i Burundi [Politicization of Ethnicity or Ethnicization of Politics? A Case of Rwanda and Burundi], in: *Etnicheskaia identichnost' v sovremennoi Afrike* [Ethnic Identity in Contemporary Africa]. Ed. by T. Evgenieva. Institut Afriki RAN, Moscow, pp. 97–123. (in Russian).

Panov P. (2020) Etnicheskie i regional'nye partii v stranakh Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy: spetsifika i traektorii razvitiia [Ethnic and Regional Parties in the CEE Countries: Special Features and Trajectories of Development], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, vol. 14, No. 3, pp. 20–34. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2020-3-20-34> (in Russian).

Priester K. (2011) Definitionen und Typologien des Populismus. *Soziale Welt*, vol. 62, No. 2, pp. 185–198.

Rothschild J. (1981) *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. Columbia University Press, NYC, 290 p.

Schapke R. (2019) *Irlandskii natsionalizm v XX veke* [Irish Nationalism in the 20th Century]. Totenburg, Moscow, 180 p. (in Russian).

Smith A. (2004) *Natsionalizm i modernizm. Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma* [Nationalism and Modernism. Critical Review of Contemporary Theories of Nations and Nationalism]. Praxis, Moscow, 464 p. (in Russian).

Tishkov V.A. (2003) *Rekviem po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for the Ethnos: Studies in Social and Cultural Anthropology]. Nauka, Moscow, 544 p. (in Russian).

Tishkov V.A. (2016) Ot etnosa k etnichnosti i posle [From Ethnos to Ethnicity and After] // *Etnograficheskoe obozrenie*, No. 5, pp. 5–22. (in Russian).

Turaev V.A. (2004) *Ethnopolitologiya* [Ethnopolitical Studies]. Logos, Moscow, 387 p. (in Russian).

Voronkov V.M. (2009) O politizatsii obshchestvennykh nauk [On the Politicization of Social Sciences]. *Neprikosnovennyi zapas*, No. 1 (64), pp. 33–44. (in Russian).

Weber A., Hiers W., Flesken A. (2016) *Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective*. Palgrave Macmillan, NYC, 187 p.

Weyland K. (2001) Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics. *Comparative Politics*, vol. 34, No. 1, pp. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.2307/422412>